

скай мовы і праз яе з розных заходнееўрапейскіх моў, побач з пранікненнем польскіх элементаў у сістэму спражэння дзеяслова і скланення імёнаў і займеннікаў польскі ўплыў выяўляецца таксама і ў галіне сінтаксісу ўстойлівых і свабодных словазлучэнняў. Аднак калі разгледжаныя словазлучэнні з назоўнікамі *персі ў* якасці залежнага кампанента, запазычаныя з польскай мовы або ўзнікшыя пад яе ўплывам, былі характэрны для беларускай мовы старэйшай пары, то пасля раздзелаў Польшчы і ўваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі ў сувязі са стратай традыцый старабеларускай пісьменнасці і ўзмацніўшымся ўплывам рускай мовы яны паступова выходзяць з ужывання і зараз ужо невядомы.

¹ Гл.: Словарь русского языка. М., 1959. Т. 3; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1952. С. 464.

² Для спрашчэння набору кірылаўскія літары, якія выйшлі з ужывання, лігатуры, дыграфы і паерак заменены іх эквівалентамі. Вынасныя літары ўносяцца ў радок. Пры пашпартызацы матэрыялаў пасля скарачонай назвы першакрыніцы (расшыфроўку іх гл. у кн.: Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982. Вып. 1. С. 45—49) указваецца том, старонка і год напісання.

³ Гл.: Słownik staropolski. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1955. Т. 6. Z. 2(35); S. 101—102. С. Perak адзначае толькі назоўнік *piersiczki* як вытворны ад *pietś* у значэнні 'грудзі ў дзяцей' (гл.: Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 320).

⁴ Гл.: Welki słownik polsko-rosyjski. Warszawa; Москва, 1967. S. 667.

⁵ Гэты сказ знаходзім таксама ў «Хроніцы» М. Бельскага (с. 201) пачатку XVII стагоддзя.

⁶ Гл.: Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1982. Т. 3. С. 506; Бялякевіч І. К. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970. С. 325; Тураўскі слоўнік. Мінск, 1985. Т. 4. С. 24.

Н. Ю. ПАВЛОВСКАЯ

О ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ВВОДНОЙ ЕДИНИЦЫ В ТЕКСТАХ СТАРОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI — XVII ВЕКОВ

Одним из приоритетных направлений в современной лингвистической теории является функциональный аспект исследования языковых единиц — их «поведение» в реальных актах коммуникации, в текстах, включая и способы, которыми данные единицы участвуют в построении связной речи. Признак «функциональный» необходимо рассматривать в его соотношении с признаками «семантический» и «формальный». Чаще всего в структуре языковой единицы наблюдается мотивирующее друг друга взаимопроникновение этих показателей, что является условием существования самой языковой единицы¹. Совмещение значения и функции наиболее типично для так называемых недескриптивных слов, в том числе вводных единиц, категориальный смысл которых определяет их функциональную роль.

Как известно, языковая единица способна выполнять следующие функции: а) означивания (номинации); б) непосредственной коммуникации; в) представления всех видов зависимостей (систематизации); г) квалификации и оценки². Указанные предназначения находят своеобразное преломление в семантике вводных единиц. Их субъективно-модальная специфика обеспечивает номинацию на уровне реляционных отношений. Это означает, что номинация вводных единиц осуществляется через квалификацию и оценку высказываний или стоящих за ними событий. Оценочно-квалифицирующая функция рассматриваемых элементов может реализоваться через оценку достоверности сообщаемого (собственно оценка), оценку его языковых достоинств, последовательности введения фактов (систематизация), квалификацию концепции адресата (функция непосредственной коммуникации).

В языке старорусских письменных памятников XVI—XVII веков су-

ществовала обширная система вводных единиц (в других терминах — вводных квалификаторов, вводных коррективов), выражавшая различные аспекты субъективно-модальных оценочных значений. Реализация функциональных значений вводных квалификаторов осуществлялась в условиях конкретных текстовых единиц (контекста). Это могли быть высказывания, соотносимые с простыми предложениями, а также сложными синтаксическими конструкциями с подчинительными или сочинительными отношениями. Вместе с тем сфера действия вводных квалификаторов не ограничивалась только пространством простого или сложного предложения, но могла простирается и на текстовые единицы гиперсинтаксического уровня — сложные синтаксические целые, конструкции цепочечного нанизывания. Последние имели наибольшее распространение в письменных памятниках рассматриваемого периода.

Собственно-оценочное значение наиболее отчетливо проявлялось у вводных единиц, квалифицировавших фрагменты текста с точки зрения его достоверности. Так, с помощью сочетания **может быть**, известного в русском языке в середине XVII века, существование факта объективной действительности, о котором сообщалось в высказывании, оценивалось как предположительное: Изъ Варшавы въдомость пришла что швъды зъло приближаются и **может быть** вскорѣ въ Прусію будутъ нежели о томъ нѣкие чають (Ведомости времени Петра Великого, 1703—1707).

Наряду с собственно-оценочным значением вводная единица **может быть** в рассматриваемом примере выполняет систематизирующую функцию, обусловленную ее способностью оформлять динамику поиска взаимодействия между предположительным и достоверным фактами, вербализованными в тексте. В данном случае квалификатор выступает, во-первых, в качестве дополнительной скрепы, объединяющей части высказывания. Во-вторых, **может быть** реализует ретроспективную текстовую функцию — направляет действие к предшествующему фрагменту высказывания. Наконец, рассматриваемый вводный квалификатор, находясь в контактной позиции с абстрактным союзом **и**, проявляет логические связи причинно-следственного характера между фрагментами текста со следующими пропозициями: «шведы быстро приближаются», (поэтому) «скоро будут в Пруссии». Очевидным является и то, что квалификатор **может быть** участвует в реализации функции непосредственной коммуникации: говорящий использует вводный элемент со значением проблематической достоверности для того, чтобы слушающий в результате восприятия сообщения был расположен к выполнению каких-либо действий или изменению своих представлений об окружающем мире. Несмотря на способность вводной единицы **может быть** осуществлять в структуре высказывания одновременно несколько функций, доминирующей является собственно-модальная функция, остальные выступают в качестве дополнительных к основной.

Функциональный профиль форм глагола **речи** во вводной позиции определялся как отношение высказывания к его источнику с точки зрения говорящего. Присутствие вводных единиц такого типа в древнерусском и старорусском текстах свидетельствовало об оценке информации с позиции говорящего, относительно источников или способов ее получения. Разнообразные способы получения информации по-разному воспринимались в плане их надежности, т. е. сама информация, вербализованная в тексте, благодаря вводному квалификатору корректировалась по параметру ее достоверности. В зависимости от авторитетности источника информации рассматриваемые вводные единицы обнаруживали целую гамму оттенков — от высокой степени недоверия в истинности сообщаемого до значительной меры его надежности, адекватности сообщаемого действительному положению дел: ... и восхотѣ ити на великое княжение въ Суждаль, яко тамо, **рече**, покойнѣе есть; И еще же глаголетъ на молитву приходити къ божию дому молитвеному на место нарицаемое Меке, въ немъ же, **рѣша**, лежитъ камень великъ, образъ имы Явродить; — Сице и бысть милость на нихъ, **якоже рече** Давыдъ, показуя

наказа мя Господь, смерти не предаде мя; — Якоже первіи мученицы и исповедницы, тако и сіи последніи: будутъ бо, **рече**, Господь, первіи последніи, а последніи первіи (Никоновская летопись).

Наряду с приведенными функциями вводный элемент **рече** использовался также в качестве логического ориентира в процессе выражения мысли, служил, к примеру, для сопоставления мыслей, реализованных в высказываниях: Мы же грѣшнии, исполнени язвь грѣховныхъ, плачемся своихъ грѣховъ и возлюбимъ плачевное иноческое житие, пустыню, Блажени бо, **рече**, плачущеся, яко ти утешатся (Списание против люто-ров).

Как свидетельствует рассмотренный материал, с помощью вводных единиц **рече**, **рѣша** в старорусском тексте а) давалась квалификация высказывания по его источнику; б) оценивалась степень достоверности высказывания; в) устанавливались логические связи между смысловыми отрезками текста. Обладая возможностью осуществлять в структуре текста не одну функцию, данные вводные единицы имели в то же время доминирующее функциональное значение, определяемое, в первую очередь, спецификой семантического наполнения глагола **речи**: оценка высказывания с точки зрения источника его информации.

Функционально-семантическая структура вводного слова **право** одновременно соотносится как с интеллектуальным, так и с эмоциональным типом оценки сообщаемого. Определяющим в семантике квалификатора **право** является компонент искренности. В этом смысле вводное слово **право** имеет ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер и сближается по значению с вводным сочетанием «**честное слово**», «**право слово**». В то же время рассматриваемая вводная единица способна также а) оценивать высказывание с точки зрения его достоверности, б) служить для установления контакта между участниками акта коммуникации, т. е. участвовать в выполнении функции непосредственной коммуникации.

Актуализация значения достоверности обусловлена желанием говорящего убедить адресата в истинности излагаемых фактов и одновременно активизировать его внимание. В этом плане вводный квалификатор обнаруживает общую сему актуализации собеседника с вводными словами типа «поверьте»: а что гдрь изволил ты ко мнѣ жаловат писат об лошадахъ чтоб ихъ купит мнѣ на свои денги тебѣ и у меня **право** Ондрѣи Илѣчь днѣгъ нѣтъ (Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия); Не кручинься на Марковну: она ничево не знает, простая баба, **право** (Житие протопопа Аввакума...).

В старорусских письменных памятниках вводный квалификатор **право** обладал также способностью принимать участие в композиционно-смысловом членении текста, т. е. выполнял систематизирующую функцию: Миленький мой государь! В последнее увидился с ним, егда причастил ево. Да пускай, богу надобно так! И ты небожно о нем кручинься. Хорошо, **право**, Христос изволил. (Житие протопопа Аввакума...) В данном случае квалификатор оценивает следующую за ним часть высказывания как заключение, итог того, о чем сообщается в предшествующей квалификатору части.

В семантической структуре вводной единицы **просто молить** совмещены два типа значений — квалификация способа изложения мыслей и оценка логических связей между фрагментами текста. Доминирующим является первое, пояснительное значение, благодаря которому данное вводное образование способно информировать адресата, что следующие за ним части высказывания или целые высказывания будут понятнее, проще. С помощью вводной единицы **просто молить** говорящий соотносит две вербализации одного и того же отрезка действительности, первая из которых может полностью соответствовать сущности описываемого фрагмента, однако недостаточно ясна с точки зрения отправителя, для понимания слушателями, поэтому требует объяснения: И **рече** бог: «да

будет свет, и бысть свет. И нарече свет — день, а тьму нарече ночь. И бысть вечер, и бысть утро, день един. **Просто молить**, ночь да день — сутки стали (Житие протопopa Аввакума...). Контекстные условия функционирования рассматриваемого квалификатора наглядно проявляют второй, систематизирующий, тип его значения — участие в оформлении обобщения, вывода.

В качестве одного из средств, актуализировавших ассоциативную линию «говорящий — слушающий» в старорусском языке, использовался вводный квалификатор **виждь**. Данная единица оценивала сообщаемое по параметру перлокутивной функции — установке говорящего на способность адресата (слушающего) выразить свое отношение к сообщаемому. В семантической структуре вводной единицы **виждь** доминирующим является компонент побудительной семантики, наглядно проявляющий агитационные интенции, направленные на адресата с определенной целью. Это может быть убеждение, уверение слушающего в истинности событий, фактов, отраженных в конкретном отрезке текста.

Одновременно рассматриваемый квалификатор принимал участие в выражении обобщения сказанного, т. е. выполнял связующую, систематизирующую функцию: Есть стерх — птица бела, с перьями, с жеровля ростом, егда состареется и не возможез летать, ни пици добывает, тогда чада ея подьемлюше, преносяще с места на место крилома своима и пишу ему приносят. **Виждь**, нрав имеют вскрай словесных, как быть чловецы, добрые детки о родителех своих пекутся (Житие протопopa Аввакума...).

Как показал рассмотренный материал, функциональный диапазон вводных единиц, а также сам их набор в старорусской письменности XVI—XVII веков достаточно многообразен и, бесспорно, не исчерпывается описанными в статье примерами. Интерпретация полифункциональной природы вводных элементов становится возможной только при их анализе в системе текстовых единиц, актуализирующих один или несколько функционально-семантических компонентов вводных квалификаторов.

Каждый из рассмотренных в статье вводных квалификаторов представляет определенный функционально-семантический разряд вводных единиц, которые систематизируются в соответствии с их полифункциональной природой, доминирующим значением, условиями текстовой реализации. Классификацию вводных единиц языка русской письменности XVI—XVII веков можно представить в следующем виде.

I. Персуазивно-модальные вводные единицы, определяющие степень достоверности сообщаемого, которые включают три группы квалификаторов: а) вводные единицы со значением проблематической / категорической достоверности сообщаемого: **может быть, верно, видно, знать, кажется, воистинну, всеконечно, конечно** и др.; б) адресантно-модальные вводные единицы. Указывают на источник информации, отнесенность к автору речи: **рече, по глаголу, якоже писано есть, якоже слышахомъ, моимъ словомъ** и др.; в) эмотивно-модальные вводные единицы. Служат для выражения субъективного отношения к сообщаемому в форме эмоциональных оценок: **право, знатное дело, еі богу, на диво, ради бога** и др.

Функционально-семантическая структура адресантно-модальных и эмотивно-модальных вводных единиц в большинстве случаев содержит оценку сообщаемого с точки зрения его достоверности, поэтому объединение их с группой вводных квалификаторов со значением проблематической / категорической достоверности представляется оправданным.

II. Квалификативно-модальные вводные единицы, передающие отношение говорящего к взаимосвязи между фрагментами текста. Данный разряд вводных единиц подразделяется на две группы: а) логико-модальные вводные единицы. Участвуют в композиционно-смысловой организации текста: **кроме тово, на конецъ, первое... второе, сверх тово** и др.; б) формально-модальные вводные элементы. Выражают отноше-

ние говорящего к способу изложения мыслей, манере высказывания: просто молвить, истинно решить, к слову, накоротке сказать и др.

III. Коммуникативно-модальные вводные единицы, актуализирующие ассоциативную линию «говорящий — слушающий», устанавливающие контакт между участниками коммуникативного акта — говорящим и адресатом. Коммуникативно-модальные вводные единицы включают две группы квалификаторов: а) апеллятивно-модальные вводные единицы, с помощью которых в процессе коммуникации актуализируется собеседник: *виждь, видишь, вѣдаешь, зри, рци* и др.; б) агентивно-модальные вводные единицы, благодаря которым актуализация собеседника происходит опосредованно, через самого автора высказывания: *глаголю, знаю, прошу у вас милости, реку* и др.

Распределение состава вводных единиц по разрядам и группам не может быть жестким, поскольку функциональный профиль любой вводной единицы определяется конкретными условиями ее текстовой реализации.

¹ См.: Золотова Г. А. К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 89.

² См.: Шведова Н. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 30 и далее.

Э. М. ТАТАРИНОВА

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СМЫСЛООБРАЗОВАНИИ ТЕКСТА

Текст, как известно, считается продуктом речемыслительной деятельности субъекта, а «процесс порождения речи является не только процессом образования «смыслов», это единый процесс порождения мысли и речи»¹. Это указывает на функциональную (генеративную) природу смысла, его ведущую роль в образовании текста. Исследуя динамику формирования лексико-тематических групп семантического поля «интеллект» в тексте как его структурных компонентов и функционально-смысловых блоков лексико-семантической организации, мы тем самым пытаемся проникнуть в процесс его смыслообразования.

Семантическое поле «интеллект», как оно понимается нами, включает в себя слова, относящиеся к интеллектуальной деятельности в широком смысле слова, т. е. обозначающие интеллектуальную деятельность как таковую (*think, know, understand*), ее разновидности (*decide, realize, admire*) и проявления (*say, talk, conversation*), ее результаты (*book, film, theory*), ее носителей (*writer, author, artist*), признаки, связанные с интеллектуальной деятельностью (*clever, fool, genius, talent*), и ее наиболее общие обозначения (*mind*). Таким образом, семантическое поле «интеллект» включает слова независимо от частеречной принадлежности, лишь по наличию интегральной семы «интеллект».

Допущение о том, что различные компоненты текста, находящиеся на разных уровнях его иерархии и организующие текст, в составе целого могут получать дополнительные композиционные и экспрессивно-смысловые нагрузки, означает, что смысл речевого целого не возникает лишь на уровне речи, а создается соотношением смыслов соединяющихся в нем семантико-синтаксических единиц. Текст как произведение речевой деятельности отбирает те модели и средства построения, которыми располагает языковая система для выражения соответствующих смыслов². Следовательно, исследование функционирования лексико-тематических групп семантического поля «интеллект» в лексико-семантической структуре текста позволяет подойти ближе к пониманию языковой системы и определению той роли, которую выполняют слова со значением интеллекта в текстообразовании.